

Сама система двойников как изобразительный топос приобретает поливалентный характер уже в парадигме взаимоотражений художественных миров ряда других произведений Достоевского. Так, например, герой «Преступления и наказания», спрашивающий себя «вошь ли я, или человек, тварь ли я дрожащая, или право имею?» [Достоевский, 1988, с. 567], оказывается в отношениях взаимопроекции с Макаром Деушкиным, мучающимся вопросом, человек он или «подошва»; с господином Голядкиным из повести «Двойник», также страдальчески вопрошающим, человек он или «ветошка». Герой из «Подполья» ставит вопрос ребром: кем вообще является человек по своей сути – «героем» или «грязью»?

В ряду подобных поливалентных двойников Раскольникова можно назвать и героев «Идиота», «Братьев Карамазовых», «Бесов», «Подростка» и др. Детальный анализ этих параллелей мы оставляем за рамками данной работы, поскольку уже существуют исследования, посвященные типологической интерпретации персонажей Достоевского: Аннинский, 1992; Бахтин, 2000; Киселева, 2016; Лотман, 1992; хотя эти исследования не являются исчерпывающими, однако достаточно отчетливо очерчивают основные пути решения проблемы.

Таким образом, предваряя наши будущие более развернутые изыскания, можно сказать, что амбивалентность и поливалентность в структуре образов Достоевского отчетливо проявляют себя в качестве доминантных принципов изображения, причем, это касается не только системы героев писателя, но и других уровней его художественного мира.

Список литературы

1. Аннинский Л.А. Герой и двойник в русской литературе XIX века. М.: Художественная литература, 1992. 287 с.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Русские словари, 2000. 445 с.
3. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 6. 457 с.
4. Киселева Е.А. Амбивалентность как структурообразующий принцип в поэтике Ф.М. Достоевского // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 12. С. 56-63.
5. Лотман Ю.М. О «Двойнике» Достоевского // Лотман Ю.М. О литературе: Статьи и заметки. СПб.: Искусство, 1992. С. 203-214.

УДК 070.41:81.38

Кирдун А.А.

БЕЛОРУСИЗМЫ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ СЕТЕВЫХ ИЗДАНИЙ БЕЛАРУСИ

В статье представлены белорусизмы, зафиксированные в русскоязычных публикациях, размещенных в течение 2020–2025 гг. на интернет-ресурсах сетевых изданий Беларуси. Эти языковые единицы не являются результатом интерференции, и демонстрируют уникальность развития русского языка белорусской разновидности.

Ключевые слова: сетевое издание, белорусизм, русский язык в Беларуси, литературная норма языка.

Kirdun A.A.

BELARUSIANISMS IN RUSSIAN-LANGUAGE TEXTS OF ONLINE PUBLICATIONS IN BELARUS

The article presents belarusianisms recorded in Russian-language publications published during 2020-2025 on the Internet resources of online publications in Belarus. These linguistic units are not the result of interference, and demonstrate the uniqueness of the development of the Russian language of the Belarusian variety.

Key words: online publication, belarusianism, Russian language in Belarus, the literary norm of the language.

Настоящее исследование проведено на материале русскоязычных публикаций, размещенных в течение 2020-2025 гг. на интернет-ресурсах сетевых изданий Беларуси (sb.by, zviazda.by, belnovosti.by, ont.by, onliner.by, grodnnews.by, kraj.by, redflag.by, tochka.by, petrikov.by, polese.by, mogilove.by, bobrlife.by, glusk.by, lidanews.by, mazyr.by, mlyn.by и др.). Предметом описания являются белорусизмы, к которым относим: а) не зафиксированные в словарях русского литературного языка обозначения феноменов, характерных для Беларуси, но отсутствующих в России; б) варианты обозначения денотатов, известные в двух странах, но отличающиеся речевым предпочтением в белорусском информационном пространстве; в) лексические единицы, употребляемые носителями русского языка и в Беларуси, и в России, но имеющие некоторые расхождения в плане содержания. Отметим также, что далее речь идет о белорусизмах, оформленных в текстах по грамматическим правилам русского языка и не связанных с явлением интерференции. За пределами нашего внимания остаются белорусскоязычные вкрапления, присутствующие в исследованных текстах в большом объеме. Эти единицы вводятся чаще всего в кавычках с самыми различными целями, что требует отдельного рассмотрения и описания.

Отметим, что проблема функционирования белорусизмов в русскоязычных текстах СМИ уже не раз получала освещение в научных публикациях [Конюшкевич, 2016; Пивоварчик, 2016; Волюнец, 2018; Горицкая, 2021; Рычкова, 2021 и мн. др.], однако ее актуальность по-прежнему остается высокой. Накопление эмпирического материала необходимо для определения и осмысления тенденций в развитии русского языка, существующего в культурных, географических, социальных, политических условиях, отличных от территории его исконного распространения.

Белорусизмы, объединенные выше в группу а), в большинстве своем являются заимствованиями из белорусского языка (или включающими заимствование в состав сложного обозначения), относятся к так называемой безэквивалентной лексике, а обозначаемые ими реалии отсутствуют в языковой картине мира носителей русского языка в России. В соответствии с классификацией безэквивалентных слов В.С. Виноградова [Виноградов, 1978] эти языковые единицы можно разделить на подгруппы:

обозначения бытовых реалий, например: *маляванка* ‘роспись, созданная особым образом на черном полотне специальными красками’ («Полотно длиной 44 метра, состоящее из **маляванок** с яркими нарисованными цветами, подготовят к 1050-летию Витебска...»¹); *вытинанка* ‘искусство вырезания ажурных узоров из бумаги’ («Гродненщина представит большое панно в стиле **вытинанки** и пэчворка, в центре которого расположен логотип фестиваля»); *праснак* ‘хлебное изделие в виде толстого блина’ («Готовили в основном **щи** из капусты с грибами, супы, варили картофель, а с собой иногда брали на обед **праснаки** – хлеб, испеченный из муки собственного помола»); *подворок* ‘тематически оформленная

¹ Здесь и далее приводятся единичные контексты с белорусизмом, но сама лексема выносится в качестве примера в том случае, если в нашей выборке она имеет более десятка контекстов.

площадка на массовых мероприятиях, на которой участники продают товары, проводят игры и мастер-классы, поют песни и т.п.’ («*Изюминкой праздника города и районных Дожинок всегда являются **подворки** сельхозпредприятий*»); и др.;

обозначения этнографических и мифологических реалий, например: *цмок* ‘мифологическое существо в образе змея или дракона’ («*Главный символ города – **цмок**, который живет в водах Лепельского озера*»); *зюзя* / *Полесский Зюзя* ‘мифический босой дед с длинной бородой, живущий в лесу’ («*Национальный парк «Припятский» пригласил всех желающих принять участие в увлекательном конкурсе, который подарит возможность пообщаться с Полесским **Зюзей***»); *волочѣбники* ‘участники ритуального обхода домов со специальным песенным репертуаром в пасхальное воскресенье’ («***Волочѣбники** шли по улицам агрогородка, заходили во дворы, исполнили волочѣбные и народные песни, поздравляли хозяев со Святой Пасхой...*»); *пинчуки* ‘коренные жители Пинска и пинского Полесья’ («***Пинчуки** ярко заявили о себе на VIII Международном фестивале этнокультурных традиций...*»); и др.;

обозначения ономастических реалий, например: *Голубая криница* – родник в Славгородском районе, памятник природы республиканского значения («*На **Голубой кринице** под Славгородом проходит фестиваль “Маковей”*»), *Трофимова криница* – родник, находящийся около агрогородка Александрия Шкловского района («***Трофимова криница** не просто часть истории Александра Лукашенко, но и символ семейной памяти*»), *Болтицкая криница* – второй по величине родник Беларуси, расположенный в заказнике «Голубые озера» вблизи озера Нарочь («***Болтицкая криница** пользуется популярностью благодаря своей особой красоте*»); *Дожинки* – ежегодный осенний праздник хлеборобов Беларуси («***Дожинки** в Солигорске будут праздновать до позднего вечера*»); *Млын.by* – медиаплощадка Беларуси («*Портал **МЛЫН.VU** и газета «Мінская праўда» объявляют о старте приема предложений по ключевым вопросам страны*»); *Рух* – футбольный клуб из Бреста («*Выход в высшую лигу брестского «**Руха**» сперва привел к разделению в головах, а потом и в кошелках...*»); *Дукорский маѣнтак* – музейный комплекс в Пуховичском районе Минской области («*Из Дудуток отправились в **Дукорский маѣнтак**, чтобы увидеть знаменитый перевернутый дом*»); *Польский маѣнтак* – агроусадьба в деревне Белая Каменецкого района Брестской области («*В рамках акции «Вандруй. Адчуй. Натхняйся» участники выездного заседания рабочей группы посетили <...> «**Польский маѣнтак**» в деревне Белая*»); и мн. др.

Белорусизмы группы б) интересны тем, что часто вступают в конкуренцию с уже устоявшимися обозначениями денотатов, хорошо известными носителям русского языка и в России, и в Беларуси. Сравним, например, два наименования для рыбного супа: *уха* и *юшка*. Это слова-синонимы, но второе слово сопровождается в словарях современного русского языка пометой «разговорное». Можно было бы предположить, что в текстах СМИ предпочтение имеет нейтральная лексема *уха*. Однако в нашей выборке частота ее употребления значительно ниже по сравнению с частотой использования лексемы *юшка*: «*В программе праздника множество конкурсов. Например, «Рыбаловы» (открытый конкурс любителей рыбной ловли), «Гатуем, спрабуем, частуем» (конкурс по приготовлению **юшки**)...*», «*Если все приготовите по рецепту, <...> **юшка** получается идеальной консистенции*» и др.

В русской речи белорусов слово *юшка* – омоним, так называют еще и металлическую пластину, которой перекрывают дымоход в печи. В этом значении слово *юшка* уступает по частоте использования синонимичным обозначениям *задвизжка* и *заслонка*, но при этом сохраняет регулярную повторяемость в публикациях, ср.: «*А теперь одна из самых важных частей топки печи. Нужно найти задвизжку, или как у нас говорят, – **юшку***», «*Вечером дочь заходила проведать мать, закрыла **юшку** печи и ушла домой*», «*Когда похолодало, гости захотели растопить печь и позвонили хозяину. Тот приехал, открыл **юшки** в дымоходе, объяснил, что нужно делать, и уехал*» и др.

В эту ж группу включается и такое слово, как *холодник*, которое используется вместо эквивалентных обозначений *холодный борщ*, *окрошка* или *свекольник* («*Обязательно добавьте, не жалея, мелко нарезанную зелень – лук и укроп, а также соль и сахар по вкусу, уксус для баланса <...> Теперь оставляем **холодник** настаиваться*», «*Самыми главными на столе были блюда из овощей, ягод, грибов. Первое место отдавалось **холоднику** – супу, приготовленному на несладком квасе или кефире*» и др.).

Большой частотностью характеризуется и обозначение *дозвол*, употребляемое вместо эквивалентного обозначения *разрешение* применительно к документу, который оформляется при грузоперевозках («*Если перевозчик начал поездку (рейс) за пределами России, то **дозвол** должен быть заполнен до въезда на территорию РФ*», «*После первых майских Россия ужесточает штрафы для автомобильных перевозчиков, возящих в Россию грузы из третьих стран по двусторонним **дозволам***» и др.).

Третью группу образуют слова, хорошо известные и в Беларуси, и в России, но в белорусском варианте русской речи эти единицы имеют некоторые отличия в значении (например, в объеме лексико-семантических вариантов языковой единицы или в стилистических характеристиках этих вариантов). Описывая эту особенность, О.С. Горицкая обратила внимание на лексему *вазон*, которая в соответствии со словарями русского языка обозначает цветочные горшки и уличные вазы для выращивания цветов. «В белорусской разновидности русского языка это слово используется также для обозначения комнатных растений <...>. Это естественный метонимический перенос, который в ряде случаев наблюдается и в других разновидностях русского языка, но популярность этого значения в белорусском русском поддерживается наличием соответствующего значения в белорусском языке» [Горицкая, 2021, с. 131].

В нашей выборке наиболее ярким примером являются единицы с суффиксом *-щин(а)*. В соответствии с Современным толковым словарем русского языка Т.Ф. Ефремовой этот суффикс образует существительные женского рода, обозначающие [Ефремова, 2006]: 1) бытовое или общественное явление, идейное или политическое течение, характеризующиеся признаками, содержащимися в словах, от которых данные слова образованы (*банальщина, достоевщина, интеллигентщина, литературищина, маниловщина, нелегалыщина, обломовщина, поповщина, сдельщина, иностранщина* и т. п.); 2) единичное лицо – носителя признака, названного образующим словом (*деревенщина*); 3) территорию (*Владимирищина, Киевищина, Полтавищина, Рязанищина, Тамбовщина* и т. п.). Слова в третьем значении характеризуются как обиходные. Очевидно, что словарь содержит информацию, которая отражает функционирование языковых единиц в России. В Беларуси же названия территорий с суффиксом *-щин(а)* (*Могилевщина, Быховщина, Витебщина, Поставщина, Гродненщина, Гомельщина, Миорщина, Нарочанищина, Пинщина, Мозырищина, Брасловщина, Кобринщина* и мн. др.) не относятся к обиходным, они активно используются не только в публикациях сетевых изданий, но и в текстах официального характера, например: «*Чеки “Жилье” проиндексируют на Витебщине*» (<https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2025/february/80691/>); «*...на Гродненщине ведутся масштабные преобразования в энергетике, связанные прежде всего с переходом на возобновляемые источники энергии*» (<https://infocenter.nlb.by/regiony-belarusi/grodnenshchina/>); «*Человек начал обживать территорию Гомельщины в эпоху среднего палеолита*» (<https://president.gov.by/ru/belarus/regions/gomelskaya>). Об активности номинаций с суффиксом *-щин(а)* свидетельствует и название телепрограммы «*Минщина*» на канале СТБ.

Таким образом, наблюдения за функционированием русского языка в сетевых изданиях Беларуси в течение последних пяти лет свидетельствуют о его специфике по сравнению с литературной нормой русского языка, отраженной в лексикографических источниках. Исследованный нами речевой материал подтверждает безусловное право на жизнь термина

«региональная норма». Очевидно, что назрела необходимость процедур операционализации накопленного эмпирического материала и взвешенного определения этого понятия.

Список литературы

1. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Изд-во МГУ, 1978. 178 с.
2. Волынец Т. Языковая ситуация в Беларуси и ее отражение в современном газетном тексте [Электронный ресурс] // Rozprawy Komisji Językowej. 2018. № 65. С. 245-259. URL: file:///C:/Users/NewService/Downloads/258-Tekst%20artyku%C5%82u-438-1-10-20190204.pdf (дата обращения: 11.04.2025).
3. Горицкая О.С. Язык и границы: Лексическая и грамматическая специфика русского языка в Беларуси. Минск: МГЛУ, 2021. 300 с.
4. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка в 3 т.: ок. 160 000 слов [Электронный ресурс]. М.: АСТ: Астрель, 2006. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/>-щина (дата обращения: 14.04.2025).
5. Конюшкевич М.И. Двухязычное медиапространство. Статья первая. Белорусизмы в русскоязычных текстах белорусских СМИ [Электронный ресурс] // Медиалингвистика. 2016. № 4 (14). С. 59-69. URL: <https://medialing.ru/dvuyazychnoe-mediaprostranstvo-statya-pervaya-belorusizmy-v-russkoyazychnyh-tekstah-belorusskih-smi/> (дата обращения: 18.04.2025).
6. Пивоварчик Т.А. Двухязычный дискурс белорусских региональных СМИ // Языковые и культурные контакты: лингвистический и лингводидактический аспекты: сб. тезисов докл. I Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Р.З. Назарова [и др.]. Саратов, 2016. С. 68-70.
7. Рычкова Л.В. Взаимодействие белорусского и русского языков в коммуникативном пространстве региональных СМИ Беларуси // Коммуникативное пространство. Информационное пространство. Культурное пространство. Коммуникативное пространство Беларуси: мат-лы Междунар. науч. конф., Минск, 22-23 дек. 2020 г. Минск: МГЛУ, 2021. С. 150-155.

УДК 82.09

Колоколова Л.П., Ахметова А.И.

ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ СОКРАЩЕНИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся английских сокращений, истории их возникновения, виды, роли сокращений в социальных сетях, а также культурных особенностей и лексических изменений.

Ключевые слова: аббревиатура, сленг, акронимы, сокращения, интернет-коммуникация.

Kolokolova L.P., Akhmetova A.I.

FEATURES OF ENGLISH ABBREVIATIONS IN SOCIAL NETWORKS

The article examines issues related to English abbreviations, the history of their origin, types, the role of abbreviations in social networks, as well as cultural features and lexical changes.

Key words: abbreviation, slang, acronyms, abbreviations, Internet communication.

Сокращение слов в социальных сетях является трудоёмким процессом по ограничению буквенных символов, что помогает компактному реферированию мыслей. К этому от-